

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ГЕРОИ



ИВАН ВОРОНИН

СКАЗЫ О СЕРГЕЕ ЛАЗО

27 коп.



ИЗДАТЕЛЬСТВО „*Малыш*“ · 1972

Для старшего дошкольного  
и младшего школьного возраста

*Иван Воронин*

СКАЗЫ О СЕРГЕЕ ЛАЗО

*Художник Михаил Петров*

Редактор О. Лебедев.

Художественный редактор Г. Коптелова.

Технический редактор И. Малышкина.

Корректоры Н. Шляпкина, С. Вланкштейн.

Сдано в производство 6/VIII-71 г. Подписано к печати 20/III-72 г. Вумата офсетная № 1. Формат 84×108/16. Печ. л. 2,5. Узд. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 4,72. Тираж 100 000. Заказ № 251. Изд. № 448. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, К-55, Вузырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавополиграфрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.









ИВАН ВОРОНИН

СКАЗЫ  
О  
СЕРГЕЕ ЛАЗО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“  
*Москва · 1972*





**Велика** страна, в которой ты живёшь.

Целый день самым быстрым самолётом будешь лететь над горами, над лесами, над полями — и всё ей ни конца, ни края. Только солнце уйдёт за Карпатские горы, хочет отдохнуть, в тёплых морях понежиться, да снова пора ему за работу: над океаном Тихим подниматься, светить островам дальним, рекам пограничным.

Дружит солнце с реками. Оттого дружит, что реки — работницы, хлопотуны очень много помнят, ведают. Да и как им не знать? Живут реки долго, дольше самого старого дуба. Их гонцы — разведчицы-капельки и в пещеры глубокие, и в тучи небесные забираются.

Вот и любит солнце, притомившись за день, присесть на берег, лучи в прохладную воду опустить — пусть остынут, наработались; присесть да послушать речную скороговорку про то, что раньше было, что теперь есть, что потом будет.

Давай-ка и мы рядом сядем. Вот сюда, к речке Реуту. Может, она и нам что-нибудь расскажет.

Течёт эта речка с Карпатских гор, быстрая, вёрткая, говорливая. Пёстрыми камушками, словно каблучками, потопывает, у крутых берегов пузырится-булькает, на перекатах птицей тетеревом токует: топ-буль-ток, топ-буль-ток, тобулток.

Знаешь, о ком пошёл разговор? О славном богатыре, о гайдуке Тобултоке.

## **ПРО ЧТО СОЛНЦЕ С РЕЧКОЙ РЕУТОМ ШЕПЧУТСЯ**

Давно это было. Но правда.

Царские воеводы, купцы да помещики хозяйничали тогда в здешних местах. Обманом хитрым, жадностью бессердечной завладели они молдавской землёй. Всё прибрали к рукам — поля и луга, сады и колодцы, угодья виноградные, озёра рыбные. И хоть сами не трудились — жили припеваючи. Наряжались в дорогие сукна-бархаты, в пирах да охотах время проводили. Копили в подвалах богатства несметные.

Пастуху без овец, хоть без парочки, пахарю без поля, даже мало, садовнику без яблоньки, пусть старенькой, — жизни нет, податься некуда. Семью кормить-одевать надо, да хату топить, да





подать платить. Подумает-подумает бедняк, вздохнёт тяжело и пойдёт к толстосумам спину гнуть за гроши.

Смотрители-управляющие, урядники-полицейские верой и правдой богатеям служили, словно псы всюду рыскали, крамолу вынюхивали, за народом во сто глаз надзирали, плетью да кандалами трудовой люд в покорность приводили.

Только не всегда так получалось, не со всеми.

Тихий да робкий любую обиду смолчит-стерпит, чтобы места не лишиться, голодом семью не погубить. На такого топнут — он поклонится, нагайкой хлестнут — согнётся. Другой слова грубого не простит, замахнется на него — сразу ответит, да не как-нибудь — ударом молодецким. А уж после этого одна дорога ему остаётся — в леса, да пещеры, к вольным богатырям братьям-гайдукам. Так звались в здешних местах бунтари смелые, что с оружием в руках против царских порядков поднимались. Немало их в Днестровских лесах да в ущельях Карпатских скрывалось. А самым сильным, самым отважным, самым справедливым был среди них Тобулток.

Водил он братьев-гайдуков на усадьбы помещичьи, караулил на трактах степных обозы купеческие, грошил участки полицейские, жёг книги податные. Всё, что доставалось гайдукам Тобултока, — всё раздавали они простому народу.

Молились в церквах попы о гибели Тобултока. Выезжала на дороги конная стража ловить Тобултока. Змеями вползали в леса лазутчики хитрые выслеживать Тобултока.

А гайдук сегодня угольщиком прикинется, завтра на рыбацком челне сети забрасывать уйдёт или на пасеке схоронится, саблю булатную, пистолеты кремневые в дупле старыми листьями засыпет, лицо, будто от пчёл, сеткой прикроет, и не могут его опознать ни шпионы, ни стражники.

Долгие годы гулял по родной земле славный Тобулток, беднякам был верным защитником.

Но перехитрил его царский всевода. Один отряд стражников велел нарядить крестьянами, другой — караулом к ним приставить да гнать нагайками по дороге как бунтовщиков.

С первого залпа будто испугались охранники. Разбежались, попрятались. Гайдуки ружья, сабли свои побросали на радостях — кинулись обнимать притворных арестантов. А у тех под рубахами рваными пистолеты, в котомках заплочных — кандалы. Завязалась схватка. Тут подоспели и охранники. Хоть и храбро бились гайдуки, но не выстояли.

Схватили и Тобултока раненого.

Потащили его в казематы, к смерти приговорили, на казнь повели. Двадцать пять стражников строем вокруг, со всех сторон на гайдука ружья наставили, вперёд воевода на коне выехал — тронулись.



Идёт Тобулток. Руки-ноги кандалами спутаны. Горько ему умирать, дела своего не закончив. А ещё горше знать, что перебила дружина, что не осталось в лесах вольных братьев, что некому поднять за свободу народную знамя гайдуцкое. Крепко кручинится Тобулток, по сторонам не смотрит. Только вдруг прохладой повеяло. Поднял голову, глянул в сторону — под горой речка Реут течёт, на солнце поблёскивает. Тут вспомнил он сказ старинный, остановился.

— Слушай, воевода! — говорит. — Казнить ты меня успеешь. Дозволь перед смертью воды испить, земле отцов поклониться.

Насупился воевода: «Может, задумал что? Бежать захотел? Только куда ему — весь изранен, цепи чуть волочит».

— Ладно, — буркнул в усы, — ведите его к реке.

Вышел на берег Тобулток. На колени опустился, нагнулся к речке, зачерпнул руками воду, к губам поднёс. Только пить не стал, пошептал-пошептал что-то и разжал пальцы. Струйками тонкими, каплями прозрачными вылилась вода обратно. Глянул Тобулток на воеводу и вдруг как засмеётся.

— Эй, ты, — воевода зло ощерился, — чему радуешься? Забыл, что палачи плаху выкатили, топоры наточили? Или смерти не боишься?

Распрявился Тобулток:

— Хоть и глуп ты, воевода, а угадал. Мне теперь смерть не страшна. Сказал я речке Реуту слово заветное. Сохранит она его для людей, у кого совесть чистая, сердце справедливое. И пока будет течь речка Реут, будут на земле нашей смелые вольные гайдуки.

## КАК ТРОЕ ДРУЗЕЙ УРЯДНИКА ЦАРСКОГО ОБХИТРИЛИ

Не ошибся Тобулток. Сохранила речка Реут слово его заветное, сёстрам-братьям своим передала-пересказала, с гонцами-капельками разослала Днепру чудному, Лене-красавице, мудрой Неве, седому Амуру. Прошли годы — отозвалось это слово эхом грозным, от Карпатских гор до Тихого океана.

Снова запылала усадьбы помещичьи, загремели в городах схватки жаркие — перекликаются заводы гудками тревожными, вырастают на улицах баррикады. Новые гайдуки поднялись за свободу народную. С каждым днём всё больше и больше их становилось. И называли они себя большевиками.

Нелегко им приходилось.

Столетиями копили цари силу жестокую, шашками казацкими, пушками гренадерскими власть свою оберегать привыкли; лютых слуг, воевод-губернаторов везде расставляли...

Только не смогли царские прислужники с большевиками-гайдуками справиться.

Одного казнят — на смену ему пять приходят. Этих выследят, в застенки бросят — сто других на их место стать готовы. Отцов уведут в кандалах на каторгу — за оружие сыновья берутся. И так по всей земле нашей: в городах фабричных, в сёлах крестьянских, в лесах таёжных и в степях привольных.

\* \* \*

В тех местах, где Тобулток свою голову сложил, мальчик рос. Серёжей его звали. По фамилии Лазо. Он и правда был как лозинка приречная: тонкий, гибкий, крепкий. Такой под ударом пригнётся — не сломится.

Рос как все. Зимой в школе учился. Летом с друзьями к речке Реуту играть бегал — пил её воду прозрачную, слушал скороговорку торопливую. Слушал да призадумывался:

«Почему крестьянин от зари до зари на чужом поле спину гнёт, а дети его куска сытого не видят, от болезней чахнут? Отчего одни живут в городе в домах просторных, каменных, а другие с семьями ютятся в подвалах, где ни света, ни воздуха? От кого охраняет стража усадьбы барские, за что на кишинёвских улицах полицейские нагайки рабочий люд разгоняют?»

Думал и о другом. Зачем ночами цокочут по дорогам копыта конские?.. Что за люди безымянные вечерами в хатах бедняцких крестьянские сходки собирают?..

О многом призадумывался. Только трудно сразу во всём разобраться. В книгах о таком не прочтёшь, не у всякого спросишь. И решил Сергей с друзьями в путешествие отправиться, своими глазами посмотреть, что в мире делается.

Долго готовились и собрались на славу. Лодка остроносая просмоленная — сама волну режет, вёсла крыльями над водой взлетают.

Только недолго пришлось путешествовать.

По Реуту быстро плыли, течение помогало. А как вывели лодку на Днестр, стали уставать. И решили друзья привал устроить. К берегу причалили, на отмель лодку вытащили, лагерь готовят. Юра Булат охапками хворост таскает. Ваня Козловский присел у берега с удочкой, Серёжа колышки острые в землю вколачивает, палатку ставить собирается.

Вдруг шум, крик, топот, кони ржут, сабли бряцают. Откуда ни возьмись налетели стражники, двое, и урядник с ними.

— Стой! Ни с места! — кричит. — Руки вверх, а то зарублю! Попались, мятежники окаянные.

Ничего не понимают ребята, плечами пожимают, переглядываются. А урядник глаза выкатил, плёткой машет, разорется.

— Лазутчики, — орёт, — атамана Адского! Каторга по вас плачет!

Хотел Сергей объяснить, кто они, откуда. Шагнул вперёд.

А урядник до того распалился, одного только себя и слышит:

— Ваша банда на Оргеевском тракте арестантов из-под стражи освободила. Только от меня не спрячешься. Под землёй бунтовщиков сыщут!

Ничего не стал говорить Сергей. Понял: их за кого-то другого приняли. И другие эти, неплохие, видно, люди, раз за бедноту заступились. «Что ж, — думает, — поведим-ка мы немного за нос господина урядника». Подмигнул Сергей незаметно Юре, Ваню легонько коленом толкнул, шепчет: «Делайте, как я», — и руки протягивает уряднику.

— Что ж, — говорит, — вяжите. Видно, и вправду ваша взяла.

Скрутили их ремнями, спутали конскими арканами, словно мешки, навалили на телегу, сами по обеим сторонам — повезли в полицейский участок. Везут и трусят: во все стороны ружья свои выставили, чуть ли ни каждый куст дулами просматривают — за сады опасаются. Урядник сзади едет, наганом поигрывает, от пленников глаз не отрывает. А возчик, старик-молдаванин, облезлую папаху на самые брови надвинул, искоса на ребят поглядывает, в усы усмехается. Проехали немного, старик к Сергею повернулся: «По-молдавски понимаешь?» Кивнул тот легонько. Улыбнулся старик, кнутом взмахнул — дальше едут. И запел возчик песню тут же сложенную на родном языке, непонятном полицейским стражникам.

Запел про то, как трое храбрых гайдучат помогли атаману Адскому, по ложному следу повели царского урядника.

Пока пел, добрались до дороги. Повеселели стражники, взяли за флаги с брагой.

Тут Сергей старика тихонько спрашивает:

— Скажи отец, кто такой атаман Адский? И что он сделал?

— Атаман этот — Григор Котовский, гайдук-большевик, — отвечает старик. — Адским его полицейские прозвали. А сделал он вот что. В Оргеевском имении взбунтовались крестьяне от непомерных податей. Усмиряли их гусары-каратели: кого батогами, кого и в кандалы. Многих схватили. А гайдуки Котовского отбили арестантов. Сейчас эти люди по лесам прячутся, на ту сторону Днестра ищут переправу...

Подумал Сергей минуту, другую и шепчет:

— Если встретишь этих людей, отец, скажи им про лодку нашу — под обрывом она укрыта, не заметили её стражники. А в участке мы слова не промолвим, будем требовать главного начальника, так что долго ещё с нами не разберутся.



## КАК СЕРГЕЙ В ПЕТЕРБУРГ ЕХАЛ, ДА В СИБИРИ ОКАЗАЛСЯ

В Петербурге осеннем сыро, мрачно, пасмурно. По гранитным мостовым дожди пузырятся, проспекты туманом непроглядным затянуты, под мостами стылые ветры задувают.

А у Сергея на сердце весна солнечная, молдавская. Сдал вчера последний экзамен — в институт его приняли. Да и как не принять такого? Гимназию окончил с отличием, на шести языках читает-разговаривает, с любым ремеслом знаком, управляется и здоровьем не обижен. Ростом невелик, а в богатырей силой.

Летом с лодки на велосипед пересаживается, зимой на коньках да лыжах гоняет, весной-осенью за мотоцикл берётся, круглый год с гантелями дружит.

Кукушка на часах шесть раз прокуковала, а Сергей уже на ногах. Окошко настезь — гимнастику делает: «Раз-два, раз-два, раз-два». На улицах холод, дождь, а ему тепло, разумылился.

Потом под ледяной душ да в полотенце мохнатое — растёрся покрепче и за работу.

Когда на квартиру въезжал — удивлялись хозяева: студент с виду барин, а приволок целый чемодан разного инструмента.

— Зачем это вам, господин Лазо? — интересуются. — Вы же на инженера учитесь? На заводе командовать будете?!

— Зовите меня Сергеем, — отвечает. — А без инструмента инженеру никак нельзя. Чтоб другим указывать, надо самому знать дело, до тонкости, своими руками его попробовать.

— Понапрасну вы молодость на железки эти тратите, — не понимает хозяин. — Ведь пора-то нынче тревожная, того и гляди война начнётся, на фронт призовут.

— Верно, — Сергей кивает. — Только воюют нынче не пикой-саблею. Пушка, пулемёт, броневик — это ведь тоже машины. Вот и хочу я любой техникой овладеть.

Так и учился. Утром — дома, за станком, днём — на лекциях. А после института другую школу проходит — в депо, на заводах да в мастерских...

Только недолго пришлось Сергею с науками дружить. Двух лет не проучился — война началась. Русский царь с немецким кайзером богатства не поделили, погнали в окопы солдатские полки.

Год воюют, другой, а конца бойне не видно.

Призвали и Сергея в армию, в Москву послали, в офицерское училище.

В училище за юнкерами глаз да сыск. Унтера — старослужащие, командиры взводные да ротные прислушиваются ко всем разговорам, выискивают недовольных.



Донесят им, как юнкер Лазо порядками в царской армии возмущается. Докладывают, что юнкер Лазо со студентами вольнодумными переписывается. Выведали и про пору институтскую, когда на заводах бывал, дружбу с рабочими водил. На заметку взяли: ненадёжен! Нельзя такого на фронт посылать. И так солдаты в окопах крамольные речи ведут, войну проклинаят.

И отправили молодого офицера-прапорщика в Красноярск, в запасной стрелковый полк, в учебную команду. Авось послужит, образумится.

Город Красноярск — за Уральскими горами на реке Енисей. Со всех сторон тайга его окружает, сосны с елями стеной стоят, выше них поднялись кедры, лиственницы. А над вершинами лесными, словно витязи, утёсы переглядываются. Здесь, у Каменных Столбов, в чащобе непролазной притаилась избушка охотничья.

Шагает по тайге служивый солдат, дорогу командиру показывает, про звериные повадки рассказывает. С виду на охоту собрались, да нет, спешат не на промысел — в избушке таёжной тайно штаб большевистский собрался, а Никифор-солдат от него связной.

Наказали ему подпольщики ссыльные отыскать офицера надёжного: кому и солдаты верят, и армейская наука знакома.

Долго выбирал Никифор. Сам присматривался, с друзьями советовался. Вызнал от верных людей, что взводный Лазо у царских властей ненадёжным считается, с рабочим людом дружит, с ссыльными пайком офицерским делится. А какой командир! Другие офицеры солдат за людей не считают, криком да кулаками командовать привыкли. А Сергей Григорьевич голоса никогда не повысит, о чём попросят — всегда поможет. В походе первым вышагивает, в стрельбе учебной больше всех мишеней повалит. Солдаты за него в огонь и в воду готовы.

Добрались до избушки таёжной вовремя.

Долго ли шла беседа, коротко ль, но доверились Лазо подпольщики. Тайну главную открыли они взводному: «Скоро рухнет трон царей Романовых — в Петрограде революция начинается».

— Будь готов полки водить, товарищ прапорщик, — на прощание сказал Сергею гость из Питера. — В битвах нам свободу завоевывать.

И поклялся тут Лазо словом гайдуцким: делу этому служить сколько жизни хватит.

\* \* \*

Наступил год 1917 — год Октябрьской революции.

Сверг народ царя кровавого Николая Второго и последнего. У заводчиков, помещиков, министров-капиталистов навсегда власть отобрал.

Только богачи её подобру-поздорову не отдавали, вернуть старались...

## КАК СЕРГЕЙ ЛАЗО ТРЁХ ГОСПОД ПОЛКОВНИКОВ ПОБЕДИЛ

В городе Иркутске это было.

В декабре 1917 года.

Собрались здесь тайно царские полковники, сразу трое — Иванов, Самарин, Скипетров. Разгромить решили Красную гвардию, с Советской властью в городе покончить. Сговорились с офицерскими училищами, с белыми казаками — карателями, напали на Советы поздним вечером.

Сила у мятежников огромная.

Юнкера армейскому делу обучены с детства. Войцы Красной гвардии солдатского строя не знают.

В офицерских батальонах пушки да пулемёты. У крестьянских дружин ржавые пики да старинные ружья охотничьи.

Бьются день, другой красногвардейцы. Баррикадами улицы перекрыли, в контратаки храбро поднимаются. Только враг хитёр и очень опытен. День, другой, — всё меньше сил у красных. Отступили рабочие отряды, у моста через Ангару окопались, защищают переправу отчаянно.

Юнкера готовят штурм по всем правилам. За домами каменными, за торговыми рядами от огня роты свои укрыли, на церквах пулемёты расставили, через реку бьёт тяжёлая артиллерия, последнюю атаку готовят мятежники.

В штабе белых радость, веселье: скоро полная победа!

Только понапрасну веселились офицеры — вёл на помощь Иркутску бойцов-красноярцев Сергей Лазо.

Поздним вечером в город эшелон пришёл. В темноте разгрузились, неслышно пушки выкатили, пулемёты... Быстрым маршем двинулись на выручку.

Бойцы изо всех сил торопятся, а Лазо с Никифором уже впереди — в разведку ушли, к самым вражеским позициям подобрался. Перед боем план составить надо точный.

Решил Сергей не ждать офицерского штурма.

— Ну-ка, собирай гранатомётчиков, — приказал он Никифору. — Проползут до церкви с колокольнями, пулемёты юнкерские захватят, с тыла ударят... И мы в атаку пойдём.

Вот ползут вперёд гранатомётчики. К площади пробрались переулками, окружили церковь, юнкеров забросали гранатами, сами залегли за пулемётами...

Тут и от моста «Ура!» послышалось — в бой вступили роты красноярские. Между двух огней попали белые, врассыпную кинулись, спасаются.

Вновь над Иркутском поднялось знамя красное.



## ПРО ЦАРЁВЫХ БЫВШИХ СОЮЗНИКОВ, КАК ДЕЛИЛИ ОНИ ЗЕМЛЮ РУССКУЮ

У буржуев, богатеев, угнетателей меж собою нету дружбы. По закону живут звериному: кто слабее — всем скопом на того бросаются, норовят ухватить за горло, вырвать себе кусок побольше, полакомей.

У царя Николая последнего много стран в союзниках числится: Англия и Франция с Японией, Италия с Китаем да Америкой. Но как только свершилась революция, разошлись с фронтов войска усталые, за поживой союзнички кинулись. Нападать по одиночке не решаются, в глубину России лезть им боязно — на окраинные земли нацеливаются.

По Тихому океану броненосец торопится к городу Владивостоку.

А в кают-компании союзники разложили карты, делят нашу землю, примеряются, будущие барыши подсчитывают.

Американец-банкир в кресле развалился, ножищи на стол закинул. В руках счёты конторские, челюстями вставными пощёлкивает, на счётах косточки перебрасывает:

— Золото камчатское заберём — раз. Меха чукотские вывезем — два. Нефть сахалинскую выкачаем, — три. За это корпус солдатский пришлём, бронепоезда, винтовки.

Японский генерал очками пощёлкивает, сквозь редкие зубы высвистывает:

— С-сучанский уголёк нам осенью надо. Курильская рыба то же хосеса. Без леса сибирского как можно? Солдата? Скока надо — стока буде. Пуска, пулемёта то же, позалуста.

Англичанин купец трубкой попыхивает, на северные края глаз нацелил, где камни драгоценные, кость моржовая, жир тресковый.

А у двери ещё один союзник кланяется — желтоскулый, узкоглазый. Треух собачий в руках теребит, сам, как пёс, в поклонах стелется. Пушек, танков своих у него нет, да жадность на чужое добро сердце гложет. Вот и придумал, как шайке остальной услужить.

— Хорошо бы с белыми генералами сговориться да на новую власть их натравить. Мы поможем оружие переправить — с русскими у нас граница длинная. Дайте только сигнал — носильщиков пошлём тайными тропами. Пожелаете юнкеров, казаков укрыть, приютить? Хоть самим есть нечего, а для дела нужного постараемся. Только уж и вы нам чего-нибудь извольте от вашей щедрости...

Переглянулись господа союзники.



Банкир выгоду сразу прикинул. «О-кей, — кричит, — договорились! Не обидим вас!» Генерал в улыбке губы ощерил: «Хоросе-е, хоросе-е, будь по-вашему». Купец трубку пососал. Кивнул — сторговались.

Не успела Красная гвардия винтовки вычистить, не успели залечить бойцы раны, а телеграф уже выстукивает тревожную весть: из-за южной границы, с китайской земли, к озеру Байкалу новый враг двинулся, казаки атамана Семёнова.

Стоном стонет степь Забайкальская, вся из края в край в огнях-пожарищах.

Люто зверствуют белоказаки, хунхузы китайские — их подручные. Пленных хлещут шомполами раскалёнными, вырезают им на теле звёзды шашками, топчут лошадиными копытами.

Захватили семёновцы станцию Маньчжурию, большевиков на семафоре перевешали, побросали в вагон тела мёртвые и по линии страшный груз отправили: вот, мол, как с комиссарами управляемся.

Только всех не перебьёшь, не перевешаешь. За свободу бьются красные до последнего.

## **О ЖЕНЬКЕ — МЕЧЕНОМ, КОМИССАРЕ РУССКИСЕ, МАТРОСАХ АРГУНЦАХ И ХРАБРЫХ ПОВАРАХ**

И снова на фронт послали Лазо. Забайкальскими полками командовать.

...Бежит по степи машина, командарм в штаб торопится. Вдруг откуда ни возьмись мальчишка у дороги стоит, сам шатается, лоб шашкой рассечён и рубашка на спине окровавлена.

Подхватили паренька.

— Срочно надо в госпиталь!

Только он и слышать не хочет.

— Брата старшего расстреляли семёновцы. Отец погиб за Советы. Возмите меня в полк, товарищ Лазо. Буду красным я верным разведчиком.

— Да куда тебе в полк. Мал ещё. Подлечись, отвезём тебя к родственникам. Как хоть звать-то, герой?

— Женькой кличут. А слать меня некуда. На станции нашей, на Шарасуне, не осталось и будки для стрелочника. Всё сожгли.

Замолк парнишка, губу прикусил — слёзы сдержать старается.

— Ну, садись, брат, — подвинулся Лазо. — Как поправишься — будешь разведчиком. В лучший полк зачислю тебя, к командиру лихому Метелице.



Всю ночь над картой сидит командарм, с Русским — комиссаром своим совет держит. И так прикидывают, и этак, а всё равно для наступления сил у красных ещё мало... Надо оборону держать, подкреплений дожидаться.

Только не идёт у Лазо из памяти Женька-паренёк. Сколько ещё таких в сёлах да на станциях захваченных осталось?

Под утро хлопнул по карте ладонью.

— Всё, — говорит. — Больше гадать да рассчитывать не будем. Или снимай меня, комиссар, или ударим мы по Семёнову своими силами.

— А зачем же снимать, — отвечает ему Рускис. — Я тоже думаю, не ждать — бить Семёнова насмерть надо. Только голова горячая в таком деле плохой советчик. Вражью силу надо хитростью умной поубавить. Иль надумал что?

— Не хочу слова расхотеть попусту. Напишу сейчас приказ, прочитаешь. Коль увидишь где ошибку — скажешь. Согласен будешь — рядом в бой пойдём.

Собирает Лазо командиров, объясняет боевую задачу. Аргунцам-конникам — на флангах укрыться, затаиться до времени, общего сигнала к атаке ждать. Пехоте красногвардейской из окопов редко-редко постреливать, будто и не думают красные о штурме. А морякам-амурцам особый приказ — внезапным ударом занять переправу.

...Над рекой Ононой ночь повисла, небо чёрное ракетами рассечено. С Оловянной сопки освещают всё вокруг семёновцы: опасаются внезапного удара. Пулемёты на броды наставили. Сторожит их стража в секретях. Чуть покажется тень — все к оружию, красных встретить готовы.

А у взорванного моста — тишь, спокойствие, опасаться тут казакам нечего, рухнули пролёты в воду, из реки торчат лишь свои обгорелые.

Только — чу! — негромкий свист послышался, полетела в темноту длинная верёвка, на конце крючок, трёхзубый, лапчатый, по-морскому кошкой называется.

Раз, другой... четвёртый кошку бросили моряки. Вот уж most висячий быстро строится, по нему лихие бойцы карабкаются, пулемёты на канатах подтаскивают. Заняли позицию удобную, к самым окопам белых подобрались. А тем временем и конники Метелицы приготовились к ночной атаке фланговой.

Глянул на часы Лазо, взмахнул рукой: «Вперёд! В атаку!»

Поначалу растерялись крепко белые — с флангов слышится «ура!» — несётся конница, бьют в упор из карабинов моряки.

Отступили от бродов секреты вражеские.

Но и казаки — воики грозные. Хоть враспloh их застали — оправились. Огрызаются пушечным огнём, точно шлют снаряды





осколочные, по матросам хлещут струями пулёмётными, поднимают в контратаку кавалерию.

Атаман с советниками заграничными в броневик забрался, развернул машину быстроходную и наутёк готов пуститься. А казаки да хунхузы — жалко ль их? Этих перебьют — ещё сыщутся. Только чувствует Семёнов — слабнут красные, реже стали очереди меткие, атакуют уж не так напористо.

Лазо за исход боя тревожится. Видит: падают амурцы отважные под казачьими шашками... Донесенья получает: захлебнулась атака у Метелицы, рдеют цепи наступающих...

«Неужели отступать придётся?»

И в эту минуту в центре вражеской позиции разорвались вдруг гранаты — одна за другой, будто новые силы красным влились и в штыки подкрепление ударило.

Кто? Откуда? — Сергею неведомо. Да уж тут разбираться некогда. На коня вскочил Лазо, шашку выхватил, поскакал с Никифором вперёд, поднимать всех в последнюю атаку.

Дрогнули и побежали семёновцы.

А как заняли станцию Оловянную да выставили наряды, подошёл к Лазо Русскис-комиссар, усмехнулся хитро, спрашивает: «Ну и как наше подкрепление? Трудно без него пришлось бы?»



Командарм, усталый, соглашается: «Чудом, — говорит, — мы с боем сладили. На исходе были резервы, сам знаешь. Спасибо партизанам, выручили. Только где они? Зачем скрываются?»

Русскис улыбается шире прежнего: «Не ищи ты партизан, друг командующий. Это ж всё наши — коноводы, портные, обозные, повара да сапожники ротные. Как увидели, что тяжко вам придется, побросали кнутовища с поварёшками и ко мне: «Веди нас, комиссар!» — шумят. — Ну, и пришлось».

## КАК У СОПКИ ПЯТИГЛАВОЙ СОБРАЛАСЬ РАТЬ НАРОДНАЯ

Озадачились хозяева Семёнова. Видят, помощь атаману нужна. Отдают приказ: «На Владивосток эскадре курс держать!»

В бухту входят миноносцы английские, крейсера японские, разгружаются транспорты — корпус интервентов высаживается. На солдатах форма с иголочки. Карабины, пулемёты новые, от патронов чуть подсумки не лопаются. В ранцах шоколад и флаги с ромом.

Прозвучала команда иноземная, батальоны тронулись. Топчут землю буцами подкованными. Тянут кони пушки расчехлённые, взад-вперёд броневики снуют, разведывают.

А за ними — колоннами грузовики армейские: половина с припасами воинскими, половина под добычу приготовлена.

Ничего не жалеют союзники, знают: всё окупится сторицей. Заняли Приморье до Хабаровска, начали грабёж давно задуманный.

В штаб Лазо срочную шифровку доставили. От Сибирского Советского правительства: так и так, мол. Не жди подкрепления. Началась и на Востоке интервенция. Все резервные войска туда двинуты.

Снова командарму испытание. Должен воевать всё больше хитростью. Хоть и много оружия трофейного — побросали казаки отступавшие, — только сами винтовки не стреляют, и к орудиям прислуга требуется.

А семёновцы опять сильны — крепко биты, да быстро оправились. Позади — граница китайская, шлют оттуда помощь, снаряжение. Окопались казаки у самой границы, заняли сопку Пятиглавую, к новому наступлению готовятся. Впереди — насыпь высокая, а по ней бронепоезд раскатывает. Под вагонами рельсы гнутся, шпалы от тяжести потрескивают. С виду неуклюж бронепоезд, да на ходу скор. Чуть вперёд только красные тронутся, а уж он тут как тут. Свинцом поливают пулемёты, железо калёное выбрасывают пушки, в командирской башне советник заграничный точные прицелы высчитывает.

Бережёт Лазо бойцов. Трудно красным справиться с бронепоездом. Из трёхдюймовки полевой его не подбьёшь, по открытому месту с зарядом минным не подберёшься. Амурцы понадеялись на отчаянность флотскую, без команды в атаку поднялись. Хорошо пошли, да плохо кончилось.

...Снова командарм над картой клонит голову, в сотый раз свои силы пересчитывает, в обороне вражьей ищет слабину.

Под окном у штаба шум послышался. Быстро входит Никифор и докладывает:

— Собрался тут народ какой-то пришлый и тебя, Сергей Григорьевич, спрашивает:

— Что им?

— Мне не объясняют, с командармом хотят разговаривать.

— Много ль их?

— Двор уж заполнили, и всё время подходят к ним новые.

Вышел на крыльцо командарм — удивляется. Собрались перед штабом штатские люди. Кто с котомкой, кто с чемоданчиком, есть и в лаптях обутые, и в бреднях охотничьих. Толпой стоят, строя не держат, а на лицах решимость солдатская.



— Кто такие, товарищи, будете? Кем направлены? С чем сюда посланы? Старший есть?

Навстречу шагнул человек. Уж немолод, спецовка промаслена. Козырнул неумело, поправил очки.

— Машинист я, Агеев, — говорит. — Из Читы от депо добровольцев привёл. Хоть немного, а люди надёжные. На железной дороге делом проверены, шомполами карателей учены.

Командарм рассказы выслушал, по полкам разослал ополченцев, чтоб быстрее науку солдатскую усвоили. Агеева остаться попросил. Тот нахмурился было:

— Что ж, я не гожусь? Вместе шли, и служить мне с деповскими. Или с виду стар?

Улыбнулся Лазо:

— У меня к вам дело особое. Не волнуйтесь, назад не пошлём.

## ПРО ТО, КАК ОТПЛАТИЛ КАЗАКАМ ЖЕНЬКА-МЕЧЕНЫЙ

Неделя прошла, другая началась. День и ночь добровольцы занимаются, обучают их солдаты старослужащие.

Объявил Лазо приказ по армии: «У границы ни единого выстрела, чтоб ни пуля, ни снаряд на китайскую сторону не залетели. Советская власть мир сохранить хочет».

Знает про приказ Семёнов, радуется. Казакам на выбор бить с любой дистанции, красным только на штыки надеяться. Граница-то сразу за сопкою. Есть ещё у атамана повод к радости. Водокачку белые разбили. Ударили с бронепоезда снарядом точным. Без воды армию красных оставили.

А у самой насыпи дорожной, там, где рельсы круто изогнуты и уклон полотна начинается, родничок с водой ключевой. И туда теперь бойцы с баклажками ползают. В темноте, конечно. Местность вся пристреляна.

...Бронепоезд семёновский под парами стоит, офицеры на платформе собираются. Донесли посты передовые, что из красных окопов какой-то удалец за водой отправился. Пулемётчик уж очередь дать примерился, вдруг команда: «А-атставить! Не стрелять!» Господа решили позабавиться: на охоту в бронепоезде выехать, на живой мишени потренироваться.

Вот уж в сборе компания знатная: палачи, каратели, вешатели. Тут же и советник заграничный: кругл, холён, лицо, как дыня перезрелая, глазки щёлками косыми прорезаны.

Господа стрелки расселись у бойниц. «Марш вперёд!» — бронепоезд тронулся. Только Женька-меченый, а это он и был, уж назад спешит с полными баклагами. К раненому в землянку их отнёс.

Вышел, глядь — знакомая машина. Поднимается на холм Лазо. Русскис рядом. Оба с биноклями.

Женька к ним со всех ног. Командарму спасибо сказать. Полк Аргунский паренька усыновил, в конной сотне служит разведчиком.

— Обратиться можно, товарищ командарм?

— Не сейчас! — И не смотрит. А потом: — Погоди-ка, браток, погоди. Это ты на дороге нам встретился?

— Точно так!

— Ох, силён!.. — Командарм улыбается. — Ну, постой. Потолкуем немного потом. А пока... — и взялись за бинокли.

Смотрят оба в сторону насыпи, по которой бронепоезд катится, чёрным дымом небо чистое пачкает. Временами и на фланг свой поглядывают, на лесок, что за подъёмом начинается. Что там? Без бинокля трудно угадать. Будто бы над лесом дым мерещится. Лёгкий, еле видный, реденький. С места ровного его и не усмотришь, лишь с холма он чуть приметно замечается. Только Женька ведь недаром рос на станции. Сразу понял: «Там за поворотом, где дорога к нашим в тыл отклоняется, тоже, видно, паровоз, стоит. Но какой? И чего ожидает?»

Снова глянул он на насыпь — видит, бронепоезд ход замедлил. Опустил бинокль Лазо:

— Не дойдёт до поворота. Ну никак, его, проклятого, не вымашишь.

— Да, — кивает Русскис огорчённый. — Тормозят, вот-вот остановятся. Полверсты ему ещё пройти, не больше, и лежал бы под откосом, как миленький.

Слушает их Женька, сам туда-сюда посматривает, кой о чём догадываться начинает. А командиры забыли про него, своим озабочены.

— Хорошо ты всё придумал, Григорьич. Одна беда: ждать нам больше некогда. Может, он неделю ещё к лесу не подойдёт.

— Что же делать? — Лазо хмурится. — Пока цел бронепоезд, атаку не начнёшь. Сам ведь знаешь, что вышло с амурцами. Зря под пули нельзя нам людей подставлять. Думать надо. Приманку отыскивать. Стой! Куда ты?!

Понял Женька, о чём командарм с комиссаром разговор ведут. Кинулся с холма, коня свистнул и галопом к насыпи, к родничку заноктому.

— Назад! Вернись! — кричат ему в догонку. А он и не слышит, гнедого нахлестывает, по песчаным россыпям его направляет, чтоб пыль поднять погуще, поприметней.

Женьку с бронепоезда заметили, оживились, ждут, когда мишень приблизится.

Вот уж близко храбрец.

Есаул казачий к винтовке приложился: бац! — мимо.

Поручик колчаковский мушку перекрестил: трах! — не попал.

Ротмистр жандармский, стрелок призовой, стволом повёл: бабах! — сбила пуля фуражку с Женькиной головы, а он будто не замечает.

Рассердился советник. Одним глазом в прицел щурит, другим на офицеров косит.

«Нехоросе. Осена нехоросе, — шипит по-змеиному. — Засема промахиваться? — Схватил трубку и паровозной команде приказывает: — Вперёд! Совсема вперёд!»

Пыхнула паром стальная махина, залязгали сцепки буферные, провернулись колёса. А Женька к дальнему лесочку коня направляет, рысью скачет вдоль насыпи, не торопится, словно в пятнашки с бронепоездом собрался играть:

Офицеры раззадорились. Вперевой палят, прицелиться от спешки не могут, на машинную команду прикрикивают: «Быстрее! Ещё быстрее! Са-амый полный!»

А уж навстречу им из укрытия потаённого, что в дорожной выемке, другой состав несётся — машиниста Агеева. Хоть и мал, а сила в нём могучая. Гонит по рельсам паровоз платформу товарную с динамитом.

Вот и опушка лесная. Двинул машинист до конца рычаг ускорительный, сам — на подножку и с насыпи кубарем. Раскатилась платформа под уклон, мимо Женьки пролетела. Понял он, что дело сделано, махнул через полотно на своём скакуне и — в степь.

Увидали с бронепоезда опасность, кинулись к тормозам — поздно. Сошлись два состава на повороте. Содрогнулась степь от взрыва, взметнулся к небу огненный столб — повалился под откос бронепоезд.

Так отомстил казакам Женька-меченый, так помог командарму Лазо.

А как только стемнело — отдал командарм боевой приказ.

Полк Аргунский спешился, ложбинками неприметными, степью ковыльной поползли бойцы белым в обход.

Шахтёрские отряды штыки примкнули, ручными гранатами запаслись, с фронта атаковать готовы. Сотни приамурские на флаги вышли, заняли позицию к сабельной атаке.

Рассыпались вдоль границы аргунцы-пластуны и без выстрела пошли врукопашную. Не ждали такого удара белогвардейцы, бросились к железной дороге — за насыпью укрыться. А уж оттуда шахтёры идут в штыковую. В панике по сторонам семёновцы кинулись — на флангах прорваться хотят. Там их конные сотни в клинки принимают.

До самого рассвета шёл беспощадный бой. За границу выбили Семёнова, разгромили банды атаманские.





## ПРО ТАЙНЫЕ ТРОПЫ ОТ БАЙКАЛА-ОЗЕРА ДО ОКЕАНА ТИХОГО И ПРО ГАЙДУЦКУЮ СНОРОВКУ

Только-только с Семёновым управились, уж другой кровавый пёс на Советскую власть зубы точит. Адмирал Колчак собрал белую гвардию, наёмников заморских муштрованных, с союзниками сговорился, от озера Байкала начал наступление.

Забайкальская армия между двух фронтов оказалась. С Запада адмирал рвётся, с Востока интервенты наступают, а у красных уж силы на исходе. Собрались на станции Урульга комиссары народные. Думают, как полки из ловушки вывести. Один предлагает уйти на китайскую сторону, за границей переждать тревожное время. Другой на Север пробиваться советует, в якутских лесах укрыть уставшую армию. А командарм Лазо не соглашается.

— Правители китайские нам не помогут, — говорит. — Недалом с атаманом дружбу водят. И на Север походом идти опасно: могут белые туда раньше нас поспеть. Нужно армию, как зерно из лукошка, малыми горсточками разбросать, через вражеский фронт незаметно просеять да снова собрать в тылу у интервентов. Они нам нынче — главный враг, адмирал без них и дня не продержится, по ним и бить надо.

— Ну, а кто такой армией командовать будет? И откуда? Из степей Забайкальских?

— Степь оставим, — отвечает Лазо уверенно. — Пусть союзники капкан на пустом месте захлопнут. Во Владивосток сам отправлюсь, силу интервентов разведая, там и штаб организуем повстанческий.

На том и порешили.

\* \* \*

...Во Владивостоке контрразведка свирепствует, ищет след Лазо. По улицам объявления развешаны, в них за командарма награда обещана, на всех перекрёстках патрульные расставлены, в рабочих кварталах облавы каждую ночь.

Сыщики-лазутчики с ног сбиваются, а командарм как сквозь землю провалился. Помогают ему сноровка гайдуцкая да документы справные.

Сегодня Лазо корейцем-огородником прикинулся, соломенной шляпой прикрылся, повесил на коромысло корзинки с чесноком да горохом, прошёл в гавань военную, корабли интервентов на заметку берёт.

Назавтра из дому вышел — очки надел с простыми стёклами, взял с собой портфель инженерский, линейки чертёжные, книги конторские — служащим дороги притворился, на вокзал приходит, воинские эшелоны подсчитывает.



Ещё через день — грузчиком мельничным наряжается, смуглое лицо мукой, словно пудрой, выбеливает, котомку пустую за плечи забросил, молока бутылку сунул в карман, идёт будто на мельницу, а сам к арсеналу оружейному сворачивает, где посты караульные расставлены, запоминает.

Так и жил. Сколько раз со смертью встречался, над опасностью будто только посмеивался.

Как-то раз приходит на квартиру, что снимал у торговца местного, а его хозяин и спрашивает:

— Господин Козленко, слышали? Красный командарм какой-то в городе объявился. Родом будто он из Молдавии, самого Лозой кличут — силач знатный и стрелок не хуже таёжного. Кто его в комендатуру доставит — тому сразу сто тысяч на стол. Вот бы нам с вами деньги эти заработать. Никого не встречали похожего?

— Не припомню что-то, — отвечает Лазо. — Да по совести сказать, и не хотел бы встретиться.

— По пятьдесят бы тысяч пришлось каждому! Неужели ж вам таких денег мало?

— Деньги-то нужны, — вздыхает Лазо, — да не мне их зарабатывать.

— Это почему же?

— Сами вы говорите, он и силач, он и стрелок. Где уж мне, — на очки показывает, — подслеповатому, хилому, с таким богатством тягаться? Уж увольте, своя жизнь дороже! — Качает Лазо головой, на хозяина смотрит испуганно.

Махнул тот рукой на робкого постояльца: с таким, мол, каши не сварить. А Лазо про себя усмехается. И за новые дела берётся, да такие, что одно другого опасней.

Недели не прошло, поехал он в посёлок Лузинский, связанных встретить, посланных из таёжного отряда. Только расположились на явке тайной, развернули на столе карту-трёхвёрстку, разложили списки отрядные — вдруг облава. Окружили посёлок белогвардейские патрули, по дворам ходят, у жителей документы проверяют.

У Лазо документы на все случаи имеются. А партизаны из леса пришли, нет у них ни паспортов, ни пропусков. Поймают, проверят — сразу расстреляют. Нельзя их опасности подвергать. И бумагами секретными рисковать нельзя: коль найдут их белые — планы все узнают.

Вот уже в проулке копыта цокочут, от калитки голоса патрульных слышатся. Партизаны за оружие схватились, хозяйка по избе мечется, что делать, не знает. А Лазо им:

— Спокойно, товарищи. Тётя Поля, быстро скатерть стели, ставь на стол угощение. Коль душисты будут щи, белые нас и искать не станут.



Хозяйка не понимает, руками всплёскивает:

— Вас-то, вас-то куда? — причитает.

— Рядом будем, в бане укроемся.

Пока тётя Поля стол накрывала, миски с кружками доставала, расставляла, Лазо с товарищами чёрным ходом — через двор в баню. Занавесили рогожкой единственное оконце, забрались под самый потолок, навели на дверь дула револьверные, ждут.

Только без стрельбы обошлось. Как и рассчитывал Лазо, так всё и получилось.

Соблазнилися патрульные дармовым угощением, дальше горницы носа не сунули, пообедав, убрались восвояси.

Выбрались из бани партизаны — друг на друга не глядят. Хотя и в бой нельзя им было ввязываться, только стыдно бойцу за печкой прятаться, врага отпускать без выстрела. А Лазо утешает их, смеивается.

— Вы спасибо скажите, что баня не топлена. Захотели бы белые попариться, вот тогда и нам бы жару поддали.

Приехал Лазо во Владивосток перед новым годом, когда снегом укутались сопки окрестные. Целых сто дней на тайных квартирах укрывался, водил за нос шпииков-контрразведчиков, секреты интервентов разведывал. А как всё вызнал, да запомнил, с майским ветром, с ручейками весенними, с утренним туманом выбрался из города.

## ПРО ТО, КАК СОЮЗНИКАМ В ТАЙГЕ ТЕСНО СТАЛО

Хороша приморская тайга весной. Клёны с липами листвою принарядились узорчатой, по стволам могучим дикий виноград карабкается, ягода облепила цветом пахучим расцветает, пышными коврами мхи повсюду расстилаются.

Только некогда Сергею Лазо красотой этой любоваться. Всё Приморье всколыхнулось.

В сучанских лесах, за горами Сихоте-Алинскими ждут бойцы командующего.

С Мишей Поповым, адъютантом верным, с комиссаром Сибирцевым, другом давним ещё с Питера, спешит командарм тропами нехоженными к месту сбора партизанской армии.

До поры до времени армии этой и не видит никто. Укрываются партизаны в охотничьих избушках, в шалашах берестяных, лыком перевязанных, в землянках, под столетними дубами выкопанных. Костров не жгут, птицу-зверя не промышляют, ветку с дерева зря не ломают. Оттого-то и укрывает их тайга приморская, будто сказочной шапкой-невидимкой.

Пуще глаза берегут интервенты шахты сучанские, склады

угольные, машины нагрюзочные. Кругом гарнизоны свои расставили, проволокой в три ряда огородились, разьезды конные, дозорных разведчиков в тайгу посылают.

Опасаются недаром. Уголь топкам да кочегаркам надобен, без него бронепоезд с места не тронется, башня орудийная на корабле не повернётся. Знают про то захватчики иноземные.

И Лазо об этом помнит, понимает, что дорога на Владивосток для Красной Армии через Сучан ведёт, оттого и торопится.

Не дремала и контрразведка вражеская. Узнали белые, что командарм к армии своей пробирается. Двинули вперехват батальон карателей. Японские солдаты ущелье перегородили, по которому из Владивостока в Сучан добраться можно. Пехотинцы американские на лесных тропах посты-секреты выставили, у бродов речных засады устроили.

Только не хочет тайга помогать захватчикам.

Птицы вороны над засадами кружатся: «Кар-р! Кар-р! Кар-ратели тут кар-раулят!»

Медведь-шатун по кустам вокруг бродит, на всю округу рявкает: «Остер-регись, друг! Побер-регись! Врар!»

Понял Лазо голос родной тайги. Повернули командиры в сторону, через горный хребет перебрались, двинулись к океану Тихому. Вышли на опушку лесную — и назад. У самого берега вражеский миноносец стоит, по заливу солдаты в шлюпках разьезжают. И этот путь перекрыт накрепко.

Что делать?

Прилегли в кустах, советуются, глядят — по берегу старик идёт. Рубаха на нём до пят, голова цветастым платком повязана, а на плече вёсла тащит.

— Ну-ка, Миша, — Лазо кивает адъютанту, — пригласи дедушку на перекур.

Вытащил адъютант пустую гильзу, травинкой накрыл, повиситал по-сурчиному. Оглянулся старик, знает, что сурки в лесах не водятся, а от опушки ему помахивает зелёная ветка. Сложил вёсла на песок, к кустам направился.

Подошёл вплотную, увидел товарищей, поздоровался приветливо. Сразу понял, кто такие, почему ясным днём в пустынном месте прячутся.

— Дедушка, — говорит ему Лазо. — Не продашь ли лодку? Очень нам на тот берег надобно. Хорошо заплатим.

Помолчал старик-кореец, подумал.

— Продавать не буду, — отвечает. — Вы, командиры таёжные, моря не знаете. Без меня поедете — схватят вас. Лучше сам повезу.

Так и сделали. Дождались вечера тёмного, парус в смолу окунули, пусть не отсвечивает, вёсла тряпками обернули, чтоб ни

шороха, между шлюпок патрульных тенью проскользнули, миноносец под кормой обошли. К утру на другом берегу залива были.

Вылезли из лодки, Лазо рыбаку деньги протягивает:

— Возьми, отец, внукам гостинцев купишь.

Нахмурился старик.

— Зачем обижает? — спрашивает. — Шагай, командир, в тайгу, своё дело делай. Белых прогонишь — самый лучший подарок моим внукам будет!

Рукой помахал, веслом от берега оттолкнулся, сразу в тумане растаял, будто его и не было.

Неделю, другую, третью караулят каратели. А Лазо нет и нет. Поняли интервенты, что опять он их перехитрил, снялись с места, спешат в крепость гарнизонную. А уж по пятам у них — отряд партизанский командира Волошина. Все один к одному — стрелки-охотники, следопыты зоркие. По тайге след в след идут, веткой сухой не хрустнут, листа малого не шелохнут. Окружили батальон у деревни Фроловки — и словно в воду он канул. Только эхо прокатилось между сопками от залпов метких, от очередей пулемётных.

Все отряды таёжные собрались и на Сучан ударили.

Зря старались вражеские инженеры, блиндажи с окопами вокруг строили, пушки с пулемётами расставляли.

В тыл к врагу заслал Лазо минёров, к укреплениям — стрелков отборных выдвинул, расставил на флангах конницу. По сигналу взрывы загремели, запылали склады, казармы.

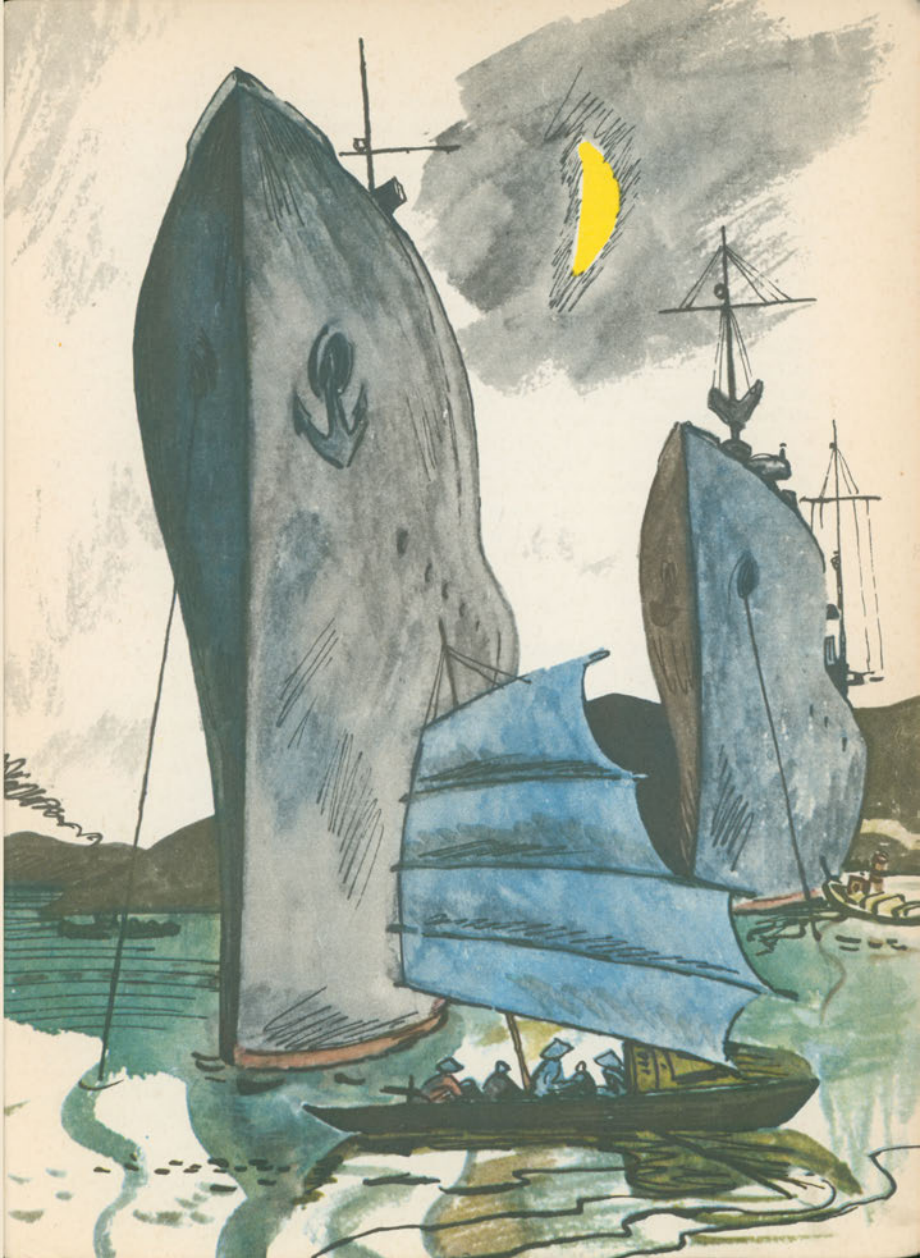
Кинулись враги пожары тушить, припасы спасать, машины из гаражей выкатывать, а из укрытий на выбор бьют их бойцы таёжные.

Разгромили партизаны гарнизоны вражеские, затопили шахты, подорвали машины — без угля захватчиков оставили. И опять в тайгу ушли, к Владивостоку походом дальним двинулись.

## КАК КОМАНДАРМ С ЮНКЕРАМИ ВСТРЕТИЛСЯ

С трёх сторон подходила к Владивостоку армия таёжная. Отступали интервенты под её ударами. Первыми итальянцы убралась, за ними и французы поторопились, англичане войска свои на транспорты грузят... А солдаты армии колчаковской сами в гарнизонах бунты поднимают, вместе с офицерами, со всем оружием на сторону нашу переходят.

Знает Лазо, как ненавистна русским людям власть захватчиков, помнит, что и в старой армии встречались ему честные офицеры, стране родной, народу своему до конца преданные, не хочет он понапрасну проливать кровь русскую.





Задумал Лазо смелое дело: снова к интервентам в тыл пробраться, самому прийти в команды офицерские, в школы юнкерские — раскрыть глаза людям обманутым, принести им правду народную. Получил на то разрешение, в логово к врагу опять отправился.

На острове Русском, в учебных казармах шумный спор идёт. Юнкера морские — гардемарины узнали, что начальник школы Сухарев хочет сдать англичанам командование, за границу офицеров будущих отправить.

Молодой да глупый только радуются, поглядеть хотят на острова заморские, в портах иностранных формой покрасоваться, погреметь палашными ножами по набережным. Кто постарше, поумней — те сомневаются, насмотрелись на порядки интервентов, знают: союзники заморские зря монетки ни одной не истратят, за всё платить заставят.

Долго спорят, уж охрипли все, ни до чего договориться не могут: Вдруг от двери воздухом свежим пахнуло. Смотрят — заходит в казарму человек незнакомый. Форма на нём не армейская, погон нет, фуражка без кокарды, без звёздочки. Прошагал на середину уверенно, руку поднял.

— Прошу слова! — громко заявляет.

— Эт-то кто такой? С чем пожаловали, господин хороший? Почему в казарме посторонние? — Юнкера шумят, удивляются, с любопытством на гостя поглядывают.

Переждал тот, пока стихло всё. Пояс солдатский поправил, снял фуражку, волосы со лба рукой убрал.

— Батюшки мои! — ахнул кто-то из толпы. — Это ж красный командарм Лазо. О нём по городу объявления расклеены, вся разведка его ищет, сбилась с ног, а он тут...

— Хорошо, что вы меня узнали, — Лазо перебил говорящего. — Значит, сразу поверите: многим я рисковал, чтоб сюда попасть. И пришёл с разговором серьёзным. Неужели вы, молодежь русская, землю родную на заморское золото променяете? Неужели за границу уедете, чужую форму наденете, против братьев-сестёр своих оружие поднимете? Не верю я этому. Сам был юнкером, сам школу кончал офицерскую только служу не хозяевам — народу своему, нашей Родине.

Унтер бородатый к пирамиде ружейной тут кинулся.

— Большевик! — орёт. — Хватай, агитатора. В караул его!

Вырвали юнкера винтовку у унтера, самого ремнями окрутили, под койку засунули, шинель сверху набросили.

— Полежи, остынь, дело человек говорит.

А Лазо продолжает спокойно, будто ничего и не заметил:

— Власть колчаковская при последнем издыхании. Армия партизанская со всех сторон Владивосток окружает. Рабочие дру-



жины в городе к восстанию готовы. Хотите России быть сынами верными, помочь ей в минуту трудную — с нами пойдёте. Хотите в заморских бар в слугах ходить до самой смерти позорной — выполняйте приказ генерала Сухарева. Сами думайте. Ответа не прошу. В час восстания и так всё ясно будет.

Сказал это и пошёл себе к выходу. Ни одна рука к нему не протянулась, ни один голос против не раздался. А трое юнкеров, что постарше, подхватили винтовки из пирамид, следом быстро зашагали. Догоняют. Тронул один командарма за рукав.

— Вы не удивляйтесь, — говорит, — что с оружием вас провозжать пошли. Неровен час, контрразведка пронюхает. Так уж мы проводим, куда вам нужно.

Протянул ему руку Лазо, пожал крепко, по-товарищески.

— Ну, спасибо! — И сам улыбается. — Только провозжать не обязательно. Ждут у пристани товарищи верные, и команда на катере проверена. Скажите лучше, как действовать будете?

Смотрит юнкер в глаза командарму серьёзно:

— Раз уж вас охранять берёмся, значит, не помеха мы восстанию. Не пойдём к интервентам в услужение.

Не нарушили своего слова юнкера. И солдаты колчаковские тоже против восставших не выступили. Только не смогли отряды партизанские сами справиться с оккупантами: высадился с иностранных крейсеров новый десант. Двинулись во Владивосток полки вышколенные.

Тут и изменила командарму Лазо удача гайдуцкая. Схватили его контрразведчики.

В камере тесной, в каземате подземном, встретились друзья в последний раз: Сергей Лазо, помощник его Алёша Луцкий да Всеволод Сибирцев.

Комиссара Луцкого и Сибирцева интервенты сразу узнали. А Лазо, как и прежде, с чужими документами на прапорщика Козленко выписанными.

Может, и удалось бы врагов перехитрить. Да нашёлся у контрразведчиков агент, подсказал, как командарма распознать.

Поздним вечером зашли в камеру жандармы караульные, надзиратели тюремные, офицеры из охранки вражеской. И ещё один, желтолицый, одет просто, будто по-рабочему, кепка старая на глаза надвинута, из-под козырька глаза раскосые поблёскивают.

— Ну-ка, встать! — команду старший отдал. — Слушать приговор суда особого.

И читает бумагу фальшивую, по совету узкоглазого составленную. В ней написано, что командиры красные — Сибирцев с Луцким — под арестом будут содержаться без срока, а Козленко-прапорщик на свободу отпущен, из тюрьмы выходит немедленно.

Не разгадал Сергей хитрости вражеской, отказался сам на



волю идти, в каземате оставить товарищей. Тут и поняли враги, кто такой на самом деле прапорщик Козленко.

Схватили командиров красных, большевиков-гайдуков, кандалами их сковали-опутали. Привезли на станцию таёжную, затащили в мешки, бросили в топку паровозную...

\* \* \*

...Велика страна, в которой ты живёшь.

Самый быстрый самолёт не пролетит её за день из конца в конец — от океана Тихого до гор Карпатских. Быстрее самолёта солнце по небу катится, только и ему с утра до вечера в дороге надо быть, чтобы землю нашу осветить из края в край.

Встаёт солнце из океана Тихого, поднимается над тайгой Приморской, во Владивосток первым делом заглядывает. Стоит здесь на площади памятник вечный командарму Лазо. Шинель навстречу ветру распахнута, в кулаке фуражка смята, гордо вскинул голову непреклонную.

Тронет солнце своими лучами лицо бронзовое, и словно улыбка лёгкая появляется на губах у командарма. С этой улыбкой уходил он из тюрьмы. Знал Лазо в последнюю свою минуту: уж недолго врагам на земле нашей хозяйничать, спешат из-за Байкала новые полки Красной Армии, скоро станет Дальний Восток советский бастионом грозным, крепостью могучей. Оттого и шёл на смерть без страха, как и славный гайдук Тобулток.

Чуть поднялось солнце — на реке пограничной Уссури расцвет настаёт. По её берегам заставы наши мирную жизнь советских людей берегут. Врага всегда остановить готовы.

Долог путь у солнца. До самой речки Реута должно оно сегодня добежать, в родные края принести привет от командарма бронзового. Присядет солнце на берег, лучи свои в воду опустит — устали за день, наработались... Пусть отдохнут, остынут, а потом опять зашепчутся о делах давних, о людях хороших.



